

Гуманизм как формула жизни.

**(К 120-летию известного теоретика и практика библиотечного дела,
одного из организаторов МГУКИ Ф.И. Каратыгина)**

Среди материалов, представленных на нынешних Скворцовских чтениях (с которыми я предварительно знакомилась как член Оргкомитета конференции задолго до начала настоящего международного форума), моё особое внимание привлек доклад одного из самых авторитетных специалистов библиотечно-информационной сферы, профессора Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктора педагогических наук Аркадия Васильевича Соколова на тему «Гуманистические ресурсы библиотек».

Главная цель этой публикации заключается в обосновании необходимости комплексной разработки такой важной библиотековедческой проблемы.

как «Гуманизм и библиотеки», решение которой, как справедливо полагает А.В. Соколов, сыграет важную роль в претворении дегуманизации общества, станет предпосылкой гармонического (экономического, культурного и политического) развития социума.

Среди духовных библиотечных ресурсов гуманизации общества (книжные фонды, научно-методическая составляющая и библиотечная интеллигенция) главное место, по мнению автора, принадлежит библиотечной интеллигенции.

Вслед за корифеем библиотечного дела Александром Александровичем Покровским, обосновавшим определяющую роль человеческого фактора в успешном развитии библиотечного дела, А.В.Соколов указывает, что если даже «можно представить библиотеку без книг и без читателей, то без библиотекарей её представить никак нельзя.» «Тем более, – подчеркивает он, немыслима библиотека как гуманистический центр без библиотекарей – интеллигентов, выполняющих гуманистическую миссию».

Говоря о том, что в каждом поколении российской интеллигенции есть светочи, олицетворяющие библиотечный гуманизм, он называет «образцовым представителем героического поколения библиотечной интеллигенции 1920-х–30–50-х годов» моего отца Ф.И. Каратыгина (1892–1957), сто двадцатилетие которого отмечается в этом году.

По мнению А.В. Соколова, «жизненный путь Федора Ивановича, самоотверженно и плодотворно выполняющего гуманистическую миссию библиотечного просветителя и педагога, может служить образцом библиотечной интеллигентности и библиотечного гуманизма».

Эту оценку подтверждают свидетельства современников Ф.И. Каратыгина: его сослуживцев, родственников, друзей, знакомых, студентов, прочих людей, с которыми он соприкасался житейски и профессионально в разные периоды своей жизни, отраженные на страницах книги, автором и составителем которой мне довелось быть, – «Федор Иванович Каратыгин: педагог, ученый человек, стоявший у истоков МГУКИ» (М.: Издательский Дом МГУКИ, 2009. 140 с.), вышедшей к 80-летию ведущего вуза культуры нашей страны.

Наиболее частыми определениями, характеризующими личностные черты Федора Ивановича, являются: добрый, честный, совестливый, порядочный, интеллигентный, толерантный, гуманный.

Последнее определение (означающее – человеческий, уважающий человеческое достоинство) как бы вбирает, аккумулирует, синтезирует, объединяет, вмещает в себя все другие перечисленные определения, представляющие собою понятия родственные. Так, в переводе с латинского, толерантный означает – терпимый, а интеллигентный – означает: понимающий, подготовленный к пониманию, к сочувствию другому человеку и т.д.

Переходя на язык метафор, можно со всей определенностью сделать вывод, что гуманизм как бы являлся формулой жизни Ф.И. Каратыгина, правилом, законом, неукоснительным принципом, соблюдаемым им в любых, в том числе – невыгодных, некомфортных, тяжелых, драматических обстоятельствах. Он был для него всегда на первом месте, превыше всего.

Следуя этой формуле в частной жизни, он руководствовался ею и в своей профессиональной: библиотечной, а еще точнее – просветительской, социокультурной деятельности, не ограничивающейся только корпоративными рамками - стенами библиотеки, а адресуемой **ВСЕМУ ОБЩЕСТВУ В ЦЕЛОМ** (а не только читателям-пользователям-подписчикам библиотеки), всему социуму.

Успех многогранной гуманной деятельности Ф.И. Каратыгина определялся и тем, что **ТО**, что он хорошо знал и умел, **ТО** многое, чего он достиг, он **С ЖЕЛАНИЕМ** и **РАДОСТЬЮ ОТДАВАЛ ОКРУЖАЮЩИМ** – в первую очередь – профессионалам: библиотечным и вузовским коллегам; читателям-пользователям библиотек, с которыми ему приходилось сталкиваться, людям разных возрастных групп, социального статуса и национальностей; студентам, получающим высшее образование, слушателям семинаров и курсов повышения квалификации.

При этом, как бы интуитивно продолжая заложенные еще в крестьянском детстве (родина Каратыгина – деревня Буренино, относившаяся к Уренской волости, Костромской губернии) староверческие религиозные гуманистические представления семьи о добре и созидательной роли человека в украшении земли, он в известной мере **ОПИРАЛСЯ** на **ДОСТИЖЕНИЯ МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ**, связанной с процессом познания действительности с позиций обеспечения приоритета **ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ**.

Поэтому главным вневременным приоритетом всегда оставалось в деятельности Фёдора Ивановича **СТРЕМЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧИТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВСЕМ ОБЩЕСТВОМ** (прежде всего – посредством, с помощью, библиотеки) литературы и документации **при решении ОБЩЕЖИТЕЙСКИХ, ГУМАННЫХ ЗАДАЧ**: получения достойного образования, успешной трудовой деятельности, установления мира и лада в семье. Библиотеку он рассматривал и как профессиональное, и как нравственное понятие одновременно.

В поле его внимания всегда находились наиболее **ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫЕ ВОПРОСЫ**, связанные с определением миссии библиотеки на разных этапах истории страны, выявление наилучших путей взаимодействия библиотек в деле взаимноиспользования фондов, построения оптимальной модели управления их сетью.

Охватывая мысленным взором многотрудный и удивительный жизненный и профессиональный путь Каратыгина, подчеркнем, наконец, что он (как никто другой из теоретиков и практиков библиотечного дела) очень хорошо, не понаслышке, знал **ОСОБЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫХ СЛОЕВ СОЦИУМА**: и рабочих, и служащих, и крестьян, и малограмотных, и крупных деятелей промышленности, и лиц старшего и молодого возраста, и законопослушных граждан и людей, находящихся в местах лишения свободы.

Он жил среди них, был своим среди них, и они по-своему его благодарили, отдавали дань уважения, оказывали доверие.

Вступление Ф.И. Каратыгина на профессиональный библиотечный путь связано с чрезвычайно драматическим поворотом в его судьбе, приходящимся на первые годы Советской власти.

В конце 1917 года он только что демобилизованный из армии 25-летний прапорщик, успевший до военной службы окончить Учительскую семинарию и поработать несколько лет народным учителем и заведующим двух классов училищем в одном из пригородов Самары – возвращается в волостной центр Урень – на свою малую родину, в лесное Заволжье, где назначается военным волостным комиссаром.

После подавления Уренского крестьянского восстания (оно было вызвано, аналогичного Антоновскому – на Тамбовщине – и другим мятежам такого же свойства, ущемлением Советской властью коренных крестьянских интересов, выразившихся в бесчинствах учрежденных Декретом ВЦИК от 27 мая 1918 года продотрядов по изъятию хлеба и другого продовольствия у крестьян) Федор Иванович, перешедший на сторону восставших, был привлечен к суду Революционным трибуналом.

Некоторое время он пребывал под стражей, а потом по решению директивных органов из-под стражи был освобожден и работал до октября 1922 года заведующим Учебно-воспитательной частью Исправдома № 2 колонии «Бараново», расположенной на территории Костромской губернии.

В его ведении находились клуб, библиотека, театр и школа колонии со всем обслуживающим их персоналом. Тут-то ему (помимо житейского опыта) несомненно пригодились знания и навыки, приобретенные в Кукарской учительской семинарии, а также – опыт руководства двухклассным училищем в пригороде Сергиевск Самарской губернии, где ему приходилось заботиться как об учителях, обучавших в течение пяти лет местных ребятишек (заметим, что первый класс училища включал три года, а второй – два года), а также решать многие вопросы материально-технического свойства.

Сохранился изящно оформленный прощальный адрес, врученный Ф.И. Каратыгину теми, кто сотрудничал с ним: режиссера, художника-декоратора, учителя, библиотекаря. В этом, фактически первом публичном документированном признании гуманистических просветительских талантов Федора Ивановича авторы отзыва писали ему следующее: «истинное понимание Вами всего художественного, красивого давало нам возможность с большой энергией работать в области искусств, вследствие чего мы были далеки от той разлагающей среды, которую по преимуществу выполняют места заключения».

Интересно, что два последних года из почти четырех лет работы, связанной с так называемыми пенитенциарными учреждениями, Каратыгин по совместительству сотрудничал с рядом библиотек г. Костромы. В частности, с 1 мая 1920 года он являлся заведующим городской районной библиотекой Костромского Губернского отдела народного образования (ГубОНО).

С 1 октября 1922 года Каратыгин поступил учиться в Костромской педагогический институт, чтобы продолжить полученное в Кукарской учительской семинарии среднее педагогическое образование. (Историко-экономический фа-

культет этого вуза, преобразованного затем в Ярославский индустриально-педагогический, он окончил в 1926 году.)

Официально библиотечная «карьер» Федора Ивановича началась в 1923 году, когда он стал заведующим центральной библиотекой фабричного района Костромы и инструктором по библиотечному делу Губернского отдела Совета текстильщиков. Тут он со всей силой проявил свой талант и умения организатора, здесь осуществил изучение читательских интересов рабочего класса – текстильщиков, среди которых снискал авторитет, получил общественное признание, благодаря чему был выдвинут ими в депутаты Костромского городского Совета от фабричного района.

Начиная с 1925 года, когда Федор Иванович занял должность заведующего главной библиотекой Костромской губернии – Губернской библиотекой (позднее – Областная библиотека имени Н.К. Крупской), он возглавил широко развернувшуюся в Костроме работу по ликвидации неграмотности, опираясь при решении этой важной социальной проблемы, как на лучший местный опыт, так и на опыт других библиотек Волжского бассейна.

Широкому взаимодействию костромских библиотек с библиотеками других регионов способствовало то обстоятельство, что с 1925 по 1930 годы Каратыгин – бессменный председатель Губернского библиотечного объединения, активный участник поволжских съездов библиотечных объединений и других библиотечных совещаний и конференций.

В начале 1930 года Федор Иванович был вызван в Наркомпрос РСФСР в научную командировку для работы над темой «Организация сети библиотек». Осенью 1930 года по предложению Н.К. Крупской был откомандирован из Костромы в распоряжение Наркомпроса и с 1 октября назначен заведующим учебной частью Высших библиотечных курсов Института библиотековедения, работа в котором, как и предшествовавший ей практический библиотечный опыт, явились залогом активного участия Ф.И. Каратыгина в создании и деятельности первого в СССР библиотечного вуза – Московского библиотечного института – МБИ (позднее МГБИ, МГИК, МГУКИ), где он трудится с конца 1930 года (первая должность – и.о. завуча института, говоря теперешним языком – проректора по учебной работе) по январь 1957 года, до конца своих дней, с вынужденным десятилетним перерывом.

В январе 1938 года была несправедливо репрессирована и отправлена в ГУЛАГ Воркуты, где и скончалась в 1954 году, первый директор МГБИ Г.К. Дерман, и институт вынуждены покинуть многие его преподаватели, в том числе и Федор Иванович.

Мрачный парадокс сложившейся трагической ситуации состоял в том, что двумя годами раньше Приказом (к 5-летию образования МГБИ) за подписью Н.К.Крупской, Генриетта Карловна («изобличенная» в 1938 году в том, что является «врагом народа») и другие её ближайшие сотрудники, включая Федора Ивановича, были отмечены благодарностями за образцовую постановку деятельности первого не только в СССР, но и в мире библиотечного вуза.

Таким образом, после эпопеи Уренского восстания судьба снова ставит Каратыгина в труднейшие условия-неустроенности и неопределенности жизни, необходимости поисков новой работы.

В последующие десять лет профессиональная деятельность Федора Ивановича протекает в образцованной в 1927 году в системе Наркомтяжпрома уникальной, не знающей долгое время аналогов в мире, Государственной научной библиотеке (ГНБ), просуществовавшей вплоть до 1958 года.

Сначала он работает здесь как инструктор-методист, а с 1943 года – ученый секретарь. Одновременно им осуществляется педагогическая деятельность в системе повышения квалификации на различного рода курсах и семинарах, а также – научная – по вопросам организации технических библиотек.

Будучи главной специальной библиотекой промышленности – методическим центром, куратором технических библиотек страны, ГНБ как бы связывает Федора Ивановича с другими крупнейшими специальными библиотеками страны, с библиотеками промышленных предприятий, являвшимися первенцами первых пятилеток, флагманами тяжелой промышленности, с такими, как Магнитогорский и в особенности – Кузнецкий металлургический комбинат (КМК), где он неоднократно бывал.

В канун 50-летия библиотеки КМК, отмечавшегося в 1976 году, её экс-директор Нина Адриановна Лабеева писала в письме ко мне о неоценимой помощи, которую оказал становлению этой библиотеки инструктор ГНБ Ф.И. Каратыгин: «Он три раза приезжал к нам и каждый раз его приезд был праздником для коллектива. Он умел в мягкой форме указать на недостатки и с воодушевлением отметить достоинства. Помню, как он однажды сказал начальнику Центральной лаборатории о нашей библиотеке: «Это жемчужина среди технических библиотек».

В поле зрения Ф.И. Каратыгина, в это период его деятельности – новый социальный слой – инженерно-технические работники, рабочие, люди, только что пришедшие на производстве, овладевающие различными техническими профессиями, другие работники ведущих отраслей промышленности, составляющих мощную индустриальную базу страны.

Осенью 1940 года Ф.И. Каратыгину вместе с группой ведущих сотрудников ГНБ поручается обследование библиотечной работы в Донецком угольном бассейне, библиотекам которого он посвящает целое научное исследование, где наряду с констатацией состояния имеющихся библиотечных ресурсов определяет коренные пути развития их сети в угольной отрасли.

После личного ознакомления с положением дел на шахтах комбината Ворошиловградуголь им был подготовлен обстоятельный доклад о состоянии и развитии библиотечного обслуживания шахтеров одного из главных тогда угольных бассейнов страны.

Третьим большим жизненным испытанием для Ф.И. Каратыгина (после событий Уренского мятежа и «дела Дерма», как и для всего советского народа, в целом, явились годы Великой Отечественной войны. Война, как и всякая переломная веха в истории отечества, вновь испытывает Федора Ивановича на прочность, на твердость веры, на верность избранному пути.

Он не поддается уговорам своего прежнего сослуживца уйти из библиотечной профессии и устроиться на «хлебное» место в качестве резчика хлеба в столовой.

В первый год войны вместе с другими жильцами многоэтажного, многоквартирного дома, где его семья занимала комнату в 12 квадратных метров, он регулярно дежурил на крыше, чтобы тушить сбрасываемые вражескими самолетами зажигательные бомбы.

Суровой зимой 1943 года Федор Иванович трудится в районе станции Белые столбы Павелецкой железной дороги в качестве бригадира ставшей победителем соцсоревнования бригады лесорубов – работников ГНБ по заготовке дров для Москвы.

Что же касается его профессиональной деятельности в этот период, то она нацелена на то, чтобы способствовать техническим библиотекам в выполнении главного девиза четырех военных лет: «Всё для фронта, всё – для победы».

Когда началась война, Ф.И. Каратыгин выезжает в Сталинград и готовит там документ, направленный на сохранение фондов библиотек в период боевых действий.

Он принимает участие в эвакуации книжных фондов библиотек вглубь страны, разрабатывает ряд инструктивно-методических материалов, связанных с деятельностью библиотек в военных условиях.

После наступившего в 1943–1944 годах перелома в войне, когда военные действия переносятся за границы СССР, в Западную Европу, он выпускает особое методическое пособие для сотрудников технических библиотек СССР, посвященное восстановлению деятельности последних.

Профессиональным, прагматическим разделам пособия Каратыгин предпосылает введение, где в свойственной ему гуманистической манере призывает своих коллег к мужеству, к сбережению сил уже для будущих мирных дел, так как победа уже не за горами и промышленность будет переходить на иные, мирные рельсы организации народного хозяйства.

В два послевоенных года Федор Иванович завершает работу над диссертацией «Типы и сеть технических библиотек в СССР» (защищена в МГБИ в 1948 году на степень кандидата педагогических наук), в которой обобщил фактический материал, накопленный им в процессе многолетнего участия в становлении и функционировании технических библиотек страны, обосновал пути их дальнейшего развития.

В основе его стратегического плана, связанного с развитием технических библиотек, его основных принципиальных подходов к совершенствованию (гармонизации) их деятельности лежат те же, что и ранее, идеи гуманизма: демократизм использования книги (документов) всеми работниками народного хозяйства, никакой элитарности в предоставлении информации, никаких ограничений образовательного, социального, национального характера; взаимодействие в раскрытии фондов, МБА как рычаг решения данных проблем...

Многочисленные домашние архивы свидетельствуют, что Федор Иванович весьма скрупулёзно изучал опыт, накопленный в этом отношении, таких

развитых стран, как Германия, США, Великобритания. Одновременно им глубоко осмысливаются особые черты отечественных технических библиотек.

Эта работа открыла целую новую область исследований, посвященных деятельности специальных библиотек, обслуживающих промышленность, ознаменовала появление специального библиотековедения.

Последнее десятилетие жизни Ф.И. Каратыгина (с 1945 года он – по совместительству, а затем с 1947 года постоянно до конца дней связан с МГБИ являясь его преподавателем) – самое плодотворное для него и в теоретическом, и в научно-методическом плане.

Его крестьянские корни, его забота о чтении того социального слоя, откуда он вышел (кроме, конечно, и, прежде всего, – общей значимости постановки культурной работы на селе в послевоенные годы), объясняет его пристальное внимание к вопросам вовлечения колхозного крестьянства в число читателей библиотек и к организации дифференцированного обслуживания их книгой.

Это нашло отражение в его книге «Работа библиотек на селе в помощь колхозному производству» (1955) и в ряде статей в журнале «Библиотекарь», где, кстати, его первые публикации о деревенских библиотеках увидели свет еще в 1930-е годы. Иными словами данный срез библиотековедческих исследований Каратыгина имеет сквозной характер, обретая новые черты сообразно каждому этапу технико-экономического развития страны.

В публикациях 1950-х годов большое внимание уделялось решению проблем взаимодействия библиотек с целью обеспечения взаимоиспользования их фондов самыми широкими слоями населения.

Ф.И. Каратыгин явился одним из инициаторов постановки проблем перспективного планирования библиотечной сети в районных территориальных образованиях областного подчинения, им же разработана и методика этого дела, что отражено в написанной в соавторстве с И.М. Фруминым брошюре «Планирование библиотечной сети в районе» (1953).

В основу данной публикации были положены материалы собранные Ф.И. Каратыгиным в 1950–1953 годы, когда он руководил производственной практикой студентов IV курса МГБИ в Горьковской области.

Он тщательно изучил состояние библиотечной работы в Семеновском районе Горьковской области и составил трёхлетний план его развития с учетом хозяйственно-политических задач района.

В марте 1950 года Федор Иванович выступил с большим докладом на Межрайонном совещании библиотечных работников в городе Семёнове Горьковской области, в котором приняли участие и студенты-практиканты МГБИ.

К слову надо заметить, что к 60-летию этого события были приурочены прошедшие в г. Семёнове в октябре 2010 года под патронатом Отдела культуры Семеновского муниципального района Нижегородской (и при деятельном участии Музея ученого-просветителя Ф.И. Каратыгина при Центральной Уренской библиотеке) – Малые Каратыгинские чтения.

Возвращаясь к канве повествования, надо заметить, что все эти планы создавались в условиях очень тяжелой тогдашней обстановки, характерных для послевоенной деревни конца 1950-х годов.

Как вспоминал Г.П. Фонов, в своем очерке, посвященном Ф.И. Каратыгину «Выдающийся специалист, замечательный человек» (См. упомянутую в самом начале доклада книгу Т.Ф. Каратыгиной, с. 79–80), это было время, когда люди на селе буквально голодали, когда для ребятнишек кусочек сахара был гостинцем. Что же касалось студентов-практикантов, то их приходилось размещать в деревенских избах, с керосиновым освещением и, естественно, конечно, – с печным отоплением.

Приведем ниже красноречивые строки, характеризующие тогдашние жизненные реалии руководителя практики студентов МГБИ и главного идеолога перспективного библиотечного плана Лукояновского района Ф.И. Каратыгина.

Восстанавливая картины тогдашнего, Георгий Поликарпович вспоминал: «Вот: Федор Иванович в тридцатиградусный февральский мороз взбирается на кузов грузовика, наполненного углем, чтобы из Горького добраться в Лукояновский неблизкий район (кабина занята – там женщина, выписанная из больницы)... Он шагает восемь километров по занесенной непроезжей дороге в деревню, где два его студента(это будущие известные представители нашей библиотечной сферы – Василий Васильевич Серов и Алексей Николаевич Морозов. – Примеч. автора) выполняли задание, которое считалось тогда директивным и всеобщим – довести книгу до каждой семьи. Он же задержался на день в колхозе, чтобы встретиться с председателем и убедить его, бедного, даже ничего, помочь библиотеке дровами. Вот Федор Иванович, которого об этом никто не просил, идет в отдаленную сельскую школу, чтобы убедить кого-нибудь из учителей заведовать передвижками. Это была тогда эпоха передвижек, о них писали и говорили библиотекари и их журналы повседневно.

И всё – по велению сердца, и всё – наглядный пример для студентов, каким нужно быть и библиотекарю и человеку.

Следует сказать о том, что в трудных условиях и местные руководители, и местные интеллигенты хотя и не всегда, но часто прислушивались к голосу приезжего человека. Они чувствовали в нем всё же своего, близкого – по здравому смыслу, по знанию жизни – всему, что делалось тогда в настоящей российской глубинке. Что ж, приезжий и был... местным – и не только по рождению, но и по психологии, по всему душевному облику».

Завершая повествование, заметим, что Федор Иванович был верен просветительской гуманистической формуле и в своей педагогической деятельности, добиваясь благодаря этому успеха в передаче знаний молодежи. Гуманизм Ф.И. Каратыгина, опиравшийся на его личный практический опыт, жидившийся на прекрасном знании существа дела, сочетался с умением интересно и просто донести учебный материал до студентов, найти особый путь к сердцу каждого из них.

Стоя на позициях педагогики сотрудничества, помня, что студент – не сосуд, который надо наполнить, а – светильник, который необходимо зажечь, Каратыгин (как свидетельствуют его воспитанники) заражал будущих профессио-

налов своим примером, побуждая к повторению и развитию того, чему он учил, вводил их в большой мир гуманизма и знаний.